РОМАН КУМОВ

История одной любви

Из творческого наследия

Издательский Дом ЯСК
Москва 2026

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2=411.2)
К 90

Издание подготовлено при поддержке
Российского научного фонда и Администрации Волгоградской области
в рамках проекта № 24-28-20015 «Творческое наследие Р. П. Кумова»

Рецензенты:
доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой мировой литературы
Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина
И. С. Леонов

кандидат филологических наук, кандидат богословия,
доцент Московской духовной академии
архимандрит Симеон (В. В. Томачинский)

Кумов Р. П.

К 90 История одной любви. Из творческого наследия / Сост., науч. ред. вступ. ст. А. Х. Гольденберга; подгот. текстов, коммент. М. А. Медведевой. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2026. — 280 с.

ISBN 978-5-6053501-6-3

Книга включает в себя повести, рассказы, очерки, воспоминания, письма к писателям-современникам из творческого наследия классика донской литературы Р. П. Кумова (1883–1919). Все они обнаружены в журнальной и газетной периодике, архивных фондах и никогда, за исключением четырех произведений, после смерти писателя не переиздавались. Архивные материалы публикуются впервые. Тексты снабжены комментариями и отражают различные стороны творческой деятельности писателя и ее основные темы, позволяющие увидеть многообразие его литературной личности. Он предстает на этих страницах как духовный писатель, автор психологических рассказов о жизни православного духовенства, как продолжатель чеховской традиции, названный современниками «донским Чеховым», как талантливый мемуарист в воспоминаниях о В. Ф. Комиссаржевской, как проводник толстовских идей, как тонкий лирик в повестях и рассказах о любви, как мастер одухотворенных пейзажей родной природы, как зоркий очевидец событий революции и гражданской войны на Дону. В состав книги включены письма Р. П. Кумова писателям-современникам: А. М. Горькому, Ф. К. Сологубу, И. Л. Леонтьеву-Щеглову, А. А. Измайлову.

ISBN 978-5-6053501-6-3

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2=411.2)

© А. Х. Гольденберг, М. А. Медведева, 2026
© Издательский Дом ЯСК, оригинал-макет, 2026

Содержание

А. Х. Гольденберг. Литературная биография Романа Кумова и его творческое наследие 5

РАССКАЗЫ И ПОВЕСТИ

Игумен Иосаф 23
Предание 37
Толстой — странник 43
Из книги: «Незаписанные легенды об Иисусе» 47
Ветер Иисуса 47
Игры маленького Иисуса 48
Воробей 48
Письмена Иисуса 49
Таинственный последователь 49
Тень Иисуса 50
Степной батюшка 51
На родине 61
В приходе 82
В келье 127
Турка 135
Идиллия 147
Шмуль 156
Исторический сюжет 164
Диссертация Сергея Васильевича 168

История одной любви 177
В глуши. Из записок художника 202
Завещание 207
Причастница жизни 213
На заре туманной юности 219
На переправе 225
Пророчество 231

ВОСПОМИНАНИЯ И ПИСЬМА

Воспоминания о Вере Федоровне Комиссаржевской 236
Письма Горькому Алексею Максимовичу 251
Письмо Федору Сологубу 258
Письма И. Л. Леонтьеву-Щеглову 260
Письма А. А. Измайлову 269

Сведения о составителях 277

Литературная биография Романа Кумова и его творческое наследие

Творческое наследие Романа Петровича Кумова (1883–1919), одного из крупнейших донских прозаиков и драматургов первых десятилетий XX века, вернулось из литературного небытия лишь в постсоветское время. Причинами столь долгого забвения были духовно-религиозная ориентация его творчества и поддержка белоказачьего движения в годы гражданской войны. Современному читателю доступны два сборника его произведений[1], биографические статьи о писателе[2]. При жизни Кумова было издано шесть его книг, включающих рассказы, очерки, драмы. Однако значительная часть литературного наследия писателя, выявленная нами в дореволюционной периодике, ждет своего обнародования. Литературный архив Кумова, о содержании которого известно из воспоминаний летописца донской литературы Виктора Севского, пропал после захвата красными отрядами его родной станицы.

Множество белых пятен существует и в творческой биографии писателя, и, прежде всего, в осмыслении эволюции его творческой

---

[1] *Кумов Р. П.* Бессмертники. Рассказы / Сост., предисл. М. А. Антипова. СПб.: Сатисъ, 2000; *Кумов Р. П.* Избранное / Сост. В. И. Супрун. Волгоград: Изд-во ВГИПК РО, 2008.

[2] *Заяц А. А.* Кумов Р. П. // Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь / Гл. ред. П. А. Николаев. Т. 3: К–М. М.: Большая российская энциклопедия, 1994. С. 227–229; *Запевалов В. Н.* Кумов Р. П. // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: биобиблиографический словарь: в 3 т. / Под ред. Н. Н. Скатова. Т. 2: З–О. М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. С. 364–366.

личности. К их числу относится проблема атрибуции Кумова исключительно как донского писателя. Между тем донская тема вышла на первый план в его творчестве лишь в годы революции и гражданской войны, когда его родной край стал центром казачьих восстаний против советской власти. К этому времени относится дружба с Ф. Д. Крюковым, классиком донской литературы, «Гомером казачества», как называли его современники. В 1918 году он стал соратником писателя по Усть-Медведицкому литературному кружку. В отличие от него, Кумов не сражался с большевиками, но отразил в своих произведениях этого периода его духовно-религиозные и психологические коллизии с позиций христианского гуманизма.

Процесс формирования творческой личности писателя невозможно проследить вне культурно-исторического и национально-художественного контекста его творчества. Кумов родился 21 ноября / 3 декабря 1883 года в станице Казанской области Войска Донского в семье мирового судьи. В 1889 году семья переехала в окружную станицу Усть-Медведицкую. В 1894–1899 годах Кумов учился в местном духовном училище, а затем в Новочеркасской (Донской) семинарии. Сразу после окончания семинарии в 1905 году он поступил на юридический факультет Юрьевского (Тартуского) университета. Через год перевелся на юридический факультет Московского университета, откуда в 1910 году был выпущен кандидатом прав.

После окончания университета Кумов вернулся в станицу Усть-Медведицкую, где преимущественно и жил до февраля 1919 года, бывая по литературным делам наездами в Москве и Петербурге. В сентябре 1911 года он стал присяжным поверенным в камском городе Сарапуле Вятской губернии, куда приезжал раз в год, в остальное время решая дела перепиской. Однако впечатления от поездок на Каму оставили заметный след в его творчестве.

Свою литературную деятельность Кумов начал еще в младших классах семинарии с публикаций в донских газетах и петербургских религиозно-философских ежемесячниках «Отдых христианина» и «Трезвая жизнь», издаваемых Александро-Невской лаврой. Они составили его первый сборник «Бессмертники» (1909), в котором он заявил о себе как о писателе духовно-религиозной ориентации.

В центре большинства произведений сборника — судьбы представителей православного духовенства — от послушника до архиерея, но в большинстве своем сельских пастырей. Образ священника в этих рассказах Кумова тесно связан с темой духовного подвижничества. Автор романтизирует своих героев, самозабвенно воплощающих евангельские идеалы в обыденной жизни. Одним из важных источников прозы писателя стали фольклорные предания и религиозные легенды. Таков рассказ «Игумен Иосаф. *Из донских преданий*» (1907), герой которого поплатился жизнью, пытаясь защитить казачий монастырь от притязаний московских властей XVII века. Когда царские войска подошли к монастырю, он, как и в легенде о граде Китеже, ушел под воду вместе с монахами во время церковной службы. В рассказе «Предание» (1908) сельский храм, стоящий на берегу озера, вместе с умирающими от голода прихожанами во время пасхальной службы поднимается на небо.

Сильнейшее влияние на формирование Кумова-писателя оказал Чехов, поклонение которому он пронес через всю жизнь, унаследовав от любимого классика лирическое начало, тонкий психологизм в изображении своих героев. Молодой литератор, еще будучи студентом Московского университета, решился вступить в творческий диалог с Чеховым, используя темы и сюжеты его произведений. Так, один из лучших его рассказов, «На родине» (1907), стал своеобразным палимпсестом знаменитого чеховского «Архиерея». В разработке сюжетной ситуации он во многом следует за Чеховым. Однако интерпретация темы носит иной характер. Если для чеховского архиерея смерть — освобождение от тяготившей его социальной роли, возвращение к истокам своей личности, к человеческому в себе, то архиерей Кумова, побыв на родине «обыкновенным человеком», в предсмертном видении вспоминает о своем пастырском назначении. «Он вдруг увидел то, о чем долго думал когда-то в молодости, когда решил сделаться священником. Он увидел Христа, Который пришел к нему, сел около и смотрел — молча, тихо, грустно — смотрел на Своего архиерея». Обращаясь к проблеме религиозного чувства, так и не обретенного перед смертью чеховским героем, Кумов вступает со своим литературным предшественником в идейную и творческую полемику.

Любовь к Чехову объединила Кумова с В. Ф. Комиссаржевской, оценившей его первые пьесы. Они вместе посещают могилу Чехова, и великая актриса советует ему перестать писать для духовных журналов и развивать свой несомненный драматургический талант. Литературным наставником Кумова становится один из «спутников Чехова», писатель И. Л. Леонтьев-Щеглов, привлекший его к участию в литературном отделе газеты «Слово».

В 1913 году выходит второй сборник писателя — «В Татьянину ночь», посвященный памяти В. Ф. Комиссаржевской. В этой книге Кумов продолжает художественное исследование религиозно-философских вопросов, среди которых центральное место занимает проблема бессмертия человеческой души. «Описывая обывательское, Кумов соприкасается с вечным, бессмертным <…> Не знаю, верит ли Кумов в бессмертие, но знаю, что он верит в бессмертное. И передает нам эту веру», — писал в своем отзыве на книгу В. А. Поссе[3].

Однако в сборнике появляются и новые для писателя темы и сюжеты, заметно меняется творческий почерк. Более многосторонними становятся образы духовных пастырей. Рисуя повседневную жизнь сельского священника, писатель на первый план выдвигает острые социальные проблемы. Так, герой рассказа «Проповедь» отец Поликарп в своей церковной проповеди решает обличить деревенского содержателя трактира. В течение недели священник не знал душевного покоя, боясь его жалобы мирским и церковным властям. Развязка рассказа по-чеховски неожиданна и носит трагифарсовый характер. Трактирщик пожаловался земскому начальнику на то, что священник говорил слишком долго, из-за чего он, слушая проповедь, простудился и потому просит взыскать с батюшки расходы на лечение. Еще более трагикомичен финал рассказа «Несчастье», герой которого, искренне горюя о смерти жены, размещает на ее памятнике рекламу своего магазина. В рассказах Кумова появляется и новый герой — провинциальный и сельский интеллигент, живущий мечтой об иной, духовной жизни («Турист», «В Татьянину ночь»). Сборник вызвал многочисленные

[3] *Поссе В. А.* [Рец. на]: *Роман Кумов.* В Татьянину ночь. Рассказы и очерки. СПб., 1913 // Жизнь для всех. 1913. № 1. С. 206.

критические отклики. В их числе была рецензия Максима Горького, который, пеняя Кумову за излишнее подражание Чехову, подчеркнул своеобразие его творческой манеры: он «умеет писать просто и кратко о страшной русской жизни <…> умеет говорить о ней своими словами, умеет найти в ней что-то новое, поучительное и трогающее за сердце»[4]. Книга закрепила за Кумовым репутацию «донского Чехова». По словам В. Севского, «Кумов это Чехов, ушедший в степь, Чехов, зачарованный ковылем и чобором»[5].

В 1915 году сборник «В Татьянину ночь» был повторно издан писателем (с измененным на четверть составом) под названием «Очерки и рассказы». Открывался он рассказом «Толстой-странник. Легенда», указывая тем самым на его программный характер. Действие рассказа происходит во время поездки повествователя на пароходе по Каме. Он и его попутчики видят на каждой пристани просящих подаяние на хлеб мужиков, «поющих Лазаря», как признак массового крестьянского голода в этих краях. Один из попутчиков рассказывает о Льве Толстом, который странником в лаптях и крестьянской одежде ходит от деревни к деревне и расспрашивает мужиков об их жизни.

Согласно легенде, народ, узнав об уходе Толстого из дома, верит, что он не умер, а странствует по Руси, чтобы узнать о его нуждах. Бытовой, на первый взгляд, образ Толстого в своем посмертном существовании невольно сакрализуется, обретая в народном сознании жизнь вечную. Можно отметить близость поэтики рассказа-легенды Кумова стилистике народных рассказов Толстого.

Тема ухода и странничества — одна из ведущих в позднем творчестве Толстого («Посмертные записки старца Фёдора Кузьмича», «Отец Сергий», «Воскресение», «Живой труп» и др.). Она неоднократно возникает в дневниках и письмах Толстого. Для русской литературы сюжет ухода является архетипическим[6]. В творчестве Кумова темы голода

---

[4] [*Горький М.*] *А. З-в.* Роман Кумов. «В Татьянину ночь». Рассказы и очерки. СПб.: Кн-во «Жизнь для всех». СПб., 1913 г. // Современник. 1913. Кн. 7. С. 372.

[5] *Севский В.* Роман Кумов // Военный листок. 1919. № 2. (22.02/07.03). С. 3.

[6] *Виролайнен М. Н.* Речь и молчание: Сюжеты и мифы русской словесности. СПб.: Амфора, 2003. С. 389–399.

и странничества были весьма значимы. Странствуют, спасаясь от голода, герои очерка «Мужики», уходит из пустыни и странствует герой «Сказания о старце Зосиме и Марии из Египта». В основу рассказа «На родине», о котором шла речь выше, положен уход преосвященного Иоанна, возвращающегося в родные места, от своей социальной роли, ощущение им свободы и счастья быть обыкновенным человеком. Странствует по святым местам после ухода из дома представитель богатого купеческого рода Степан в драме «Конец рода Коростомысловых».

Впервые «Толстой-странник» был опубликован в журнале «Жизнь для всех», с которым Кумов был тесно связан с 1910 года. Редактор журнала, известный литератор, журналист, общественный деятель В. А. Поссе, не раз бывал у Л. Н. Толстого в Москве и Ясной Поляне. Он сочувствовал многим идеям Толстого и стремился их поддерживать на страницах тех изданий, с которыми сотрудничал.

Нравственная философия позднего Толстого, его призывы к братской жизни на основе христианской любви отразились и в ряде других рассказов Кумова («Алексей Петрович», «Шмуль», «В келье»), и в его драме «Конец рода Коростомысловых», получившей в 1916 году первую премию на Всероссийском конкурсе драматургов имени А. Н. Островского[7].

В ней появляются необычные для прежних произведений писателя сильные характеры, не знающие удержу своим страстям, готовые преступить через кровь. Лейтмотивом драмы является библейский сюжет о Каине, на который проецируется ее действие. Таков главный герой пьесы — необузданный в своих чувствах и желаниях владелец многомиллионного состояния камский лесопромышленник Кузьма Коростомыслов, в образе которого слились черты предков — речных разбойников и религиозных подвижниц, основательниц монастырей в заокском крае. Он хочет жениться на девушке, за которую готов отдать ее отцу, ктитору городского собора Хлудову, свое состояние.

---

[7] *Роман Кумов*. Конец рода Коростомысловых: Драма в 4 д. Пг.: Н. Карбасников, 1916.

Есть на нем и каинова печать: он убивает в припадке ревности своего племянника Николая.

Важную роль в мелодраматическом сюжете играет образ брата Кузьмы Степана, ставшего после трагической гибели любимой женщины странником по святым местам и вернувшегося домой через двадцать лет в самый острый момент конфликта его сына с дядей из-за любви к главной героине драмы Татьяне. Кузьме приходится отдать брату его долю семейного наследства, за счет которого Степан хочет основать монастырь на месте убийства ее матери, которую он любил. Хлудов, убивший в припадке ревности изменившую ему жену и мать Татьяны, продающий ее Кузьме, узнает, что она дочь Степана. Он, как и Степан, собирался основать монастырь на месте убийства, чтобы замолить пролитую кровь.

Развязка драмы перекликается с финалом толстовской пьесы «Власть тьмы». Жертвы отказываются от мести, берут вину на себя, зло наказано изнутри. Хлудов повесился, Кузьма отдает себя на суд Божий и умирает. Так прерывается цепь зла, но кровавые следы его остаются на страницах старинной семейной Библии, по которой Николай читал Кузьме историю Каина и Авеля.

Центральной в пьесе является проблема соотношения мирского и духовно-религиозного начал в земной жизни человека, одна из ключевых в творчестве и религиозной философии Толстого[8]. Она решается драматургом в духе нравственных идей его учения 1880–1890-х годов об устройстве жизни на основе братства, любви, прощения, самопожертвования.

Драма была принята к постановке в Александринский театр, который передал ее в петроградский Малый театр, где в начале февраля 1918 года состоялась премьера с участием актеров александринской труппы. Но еще раньше без ведома автора пьесу ставили в московских и провинциальных театрах, где она имела большой успех, а в начале 1920-х годов была экранизирована. Однако драматургу не довелось увидеть свою пьесу ни на сцене, ни на экране. Революция и гражданская война отрезали Дон от остальной России.

---

[8] См.: *Мелешко Е. Д.* Христианская этика Л. Н. Толстого. М.: Наука, 2006.

Исторические катаклизмы, свидетелем которых стал Кумов, меняют вектор его творчества. Впервые главной в нем становится донская тема. Ей посвящены произведения 1917–1919 годов, в частности «Донские письма», небольшие очерки о новых явлениях станичной жизни между Февралем и Октябрем 1917 года, опубликованные в трех номерах петроградской казачьей газеты «Вольность». Нарастает предчувствие гражданской войны. Он пишет В. Севскому 23 ноября 1917 г.: «…Что-то и на Дону зловеще, как перед грозой. А? Вы этого не чувствуете? Я уже начинаю думать, что если не будет Учредительного Собрания, всем нам, казакам, придется садиться на коней…»[9]

К этому же времени относится и сотрудничество Кумова с М. Горьким. Он посылает в редактируемый им журнал «Летопись» рассказы «Малаша с Перекопских гор» и «Завещание». Между писателями завязывается оживленная переписка, в которой отражается политическая и духовная атмосфера новой российской жизни.

Художественное преломление донская тема находит в рассказе «Малаша с Перекопских гор»[10]. В своих поездках по родным местам Кумов неутомимо собирает донской фольклор, образы и сюжеты которого становятся источником нового этапа его творчества. В рассказе о молодой казачке Малаше писатель обращается к образам славянской демонологии, которые играют значительную роль в его поэтике. Автор повествует о том, как ревнивая свекровь пытается отравить своевольную невестку, которая, по ее мнению, является ведьмой, приворожившей ее сына. Однако в ходе повествования черты ведьмы начинают отчетливо проявляться в образе свекрови. Сюжет развертывается по законам фольклорной былички как поединок ведьмы и знахаря, деда Малаши, чьи целебные травы и заговоры спасают ее от смерти. Этот герой получает сакральные знания от родной донской природы, узнав тайные имена почитаемых в народе стихий — воды и земли. Фольклорная основа образов писателя дает ему возможность представить традиционный бытовой конфликт на глубинном мифологическом уровне, противопоставить духу злобы и ненависти, о котором он писал

[9] Письма Р. П. Кумова В. Севскому // Донская волна. 1919. № 10 (38). 3 марта. С. 8.

[10] Летопись. 1917. № 7–8. С. 64–80.

Горькому в 1917–1918 годах, защитную силу своего художественного слова.

Если говорить о присутствии фольклорного начала в творчестве Кумова 1917–1919 годов, следует, прежде всего, отметить обращение писателя к жанрам несказочной прозы — демонологическим рассказам и донским легендам. Так, легенда о чудесном обретении иконы святого Иоанна Предтечи в образе донского казака лежит в основе сюжета рассказа «Старохоперский поход» (1918). Однако в его финале сюжетная схема религиозных легенд об иконах нарушается: она не обретается, а пишется после возвращения казаков из похода за иконой. Кумов не стилизует народную легенду, а наполняет ее новыми смыслами.

Последние донские произведения Кумова, «В черном море земли» и «Пророчество», насыщены мотивами эсхатологических легенд. В первом рисуется картина необычайного изобилия земли перед концом света, во втором грядущий апокалипсис: «*…какая-то мелкодонная степная речка ночью густо покраснела, — как бы от великой крови, и вылилась из берегов и затопила самые высокие степные места. И было указано потопа кровавого срок — год и восемь месяцев <…> И завыли немногочисленные оставшиеся люди по-звериному, погибая от крови, голода и мора…*»[11]. Они являются художественным отражением эсхатологических умонастроений, присущих этому времени.

Для ряда произведений Кумова, посвященных гражданской войне, характерна документальная стилистика. В очерке «Наказ» и рассказе «Малый огонь (*эпизод гражданской войны на Дону 1918 года*)» нашли отражение взволновавшие писателя исторические события: призыв Круга спасения Дона об отделении от России и бой за освобождение от большевиков его родной станицы Усть-Медведицкой. Донской сепаратизм был чужд Кумову: «*Дона без Великороссии я не могу представить себе, как не могу представить своего внутреннего душевного мира, напр., без Пушкина, без преподобного Сергия, без Москвы, без Волги и т. д. Дон без Великороссии — это неестественно*», — писал он Севскому[12]. Эта мысль доминирует в диалоге героев очерка «Наказ», деле-

[11] Донская волна. 1919. № 10 (38). 3/16 марта. С. 2.

[12] Там же. С. 8.

гата на Войсковой круг и старой казачки. В рассказе «Малый огонь» точность описания Кумовым военных действий подтверждается воспоминаниями одного из руководителей Усть-Хоперского восстания, генерал-майора Голубинцева[13].

Важной вехой в творческой биографии писателя стало образование Усть-Медведицкого литературного гнезда, объединившего крупнейших донских прозаиков Ф. Д. Крюкова и Р. П. Кумова, волей исторических событий оказавшихся вместе в родных местах, учителя словесности окружной гимназии, известного переводчика европейской литературы и критика С. Пинуса (Серапина), других представителей станичной интеллигенции — литераторов, фольклористов, художников, музыкантов. Сквозной темой их творчества стало прошлое, настоящее и будущее Дона. На базе газеты «Север Дона» возникло одноименное издательство, которое в ноябре 1918 года выпустило сборник, посвященный 25-летию литературной деятельности Ф. Крюкова, редактором которого был Кумов[14]. Он дает представление о составе и творческих возможностях членов Усть-Медведицкого кружка. Впоследствии часть из них оказалась в эмиграции и продолжила там свою литературную деятельность. Историко-литературная ценность этого станичного издания не ограничивается тем, что в нем впервые были опубликованы письма В. Г. Короленко юбиляру, но прежде всего в том, что он стал своеобразным литературным смотром местных культурных сил. В эпоху вынужденного распада литературных связей, центробежных тенденций российского культурного пространства значимость таких локальных литературных гнезд трудно переоценить.

Кумов был очевидцем многих трагических событий этого времени, нашедших отражение в его произведениях. В донских рассказах и очерках фольклорные традиции гармонично сочетаются с документальной стилистикой исторического повествования. Они пронизаны

---

[13] *Голубинцев А. В.* Русская Вандея. Очерки Гражданской войны на Дону. 1917–1920 гг. Мюнхен: Изд. автора, 1959. С. 61.

[14] Родимый край. Сборник, посвященный двадцатипятилетию литературной деятельности Ф. Д. Крюкова (1893–1918 гг.). Усть-Медведицкая (Донской обл.): Книгоизд-во «Север Дона», 1918.

гуманистическим пафосом, основанным на христианских ценностях, в них гражданская война воспринимается как национальная трагедия [15]. При этом писатель остается на стороне защитников Дона от красного террора, стремясь поддержать их борьбу силой своего таланта. Таково его пронзительное стихотворение в прозе с эпиграфом из А. Плещеева: «Ах, сколько, сколько пало их / В борьбе за край родной — / Отважных, гордых, молодых…» [16]

Судьба, однако, отмерила певцу донского края недолгий срок. Роман Петрович Кумов умер 20 февраля / 5 марта 1919 года от сыпного тифа в Новочеркасске, куда бежал из захваченной красными родной станицы Усть-Медведицкой. Ему было 35 лет. Даже на фоне кровавой гражданской войны на Дону с ее многочисленными жертвами смерть писателя была воспринята как огромная литературная и человеческая потеря национального масштаба. Войсковой круг Всевеликого Войска Донского почтил Кумова *национальным погребением* с воинскими почестями. Так не хоронили на Дону ни одного писателя.

Чувством национальной скорби были проникнуты статьи и некрологи донских литераторов, которые появились во всех донских газетах и журналах. Первым на смерть Кумова откликнулся Федор Крюков, предсказавший великое будущее творениям писателя [17]. Ему вторил Сергей Пинус (Серапин): «Умер Роман Петрович Кумов, великий писатель земли донской, умер в полном цвете своих душевных сил и таланта. <…> Лаской и любовью веет от каждой страницы его дивных творений, и во всей современной русской литературе — нет и не было писателя, заключавшего такую светоносную силу, которой был преисполнен почивший Роман Петрович. Когда будет известно его творчество в полном объеме, Донская земля оценит своего великого писателя и будет свято чтить память Романа Кумова» [18].

---

[15] См., напр., новый вариант его рассказа «Степной батюшка»: Донская волна. 1918. № 16. 30 сентября. С. 1–3.

[16] Донская волна. 1918. № 12. 26 августа. С. 2.

[17] *Крюков Ф.* Роман Кумов // Донские ведомости. 1919. № 44. (21.02/06.03). С. 1.

[18] *Пинус С.* Заметы. IX // Донские ведомости. 1919. № 44. (21.02/06.03). С. 2.

В эти скорбные дни впервые прозвучала мысль о том, что его творчество нельзя свести к донскому патриотизму: оно принадлежит России: «Эта общая скорбь всей земли Донской и всей России реяла над гробом почившего светлого человека и опять возвышала нашу печаль»[19]. Полемическое заострение эта мысль получила в статьях В. Севского и Е. Венского, возражавших против сведения имени Кумова к званию донского писателя и утверждавших его законное место в русской литературе.

Наиболее весомый вклад в сохранение памяти и творческого наследия Кумова внес Виктор Севский, талантливый прозаик, критик, публицист, летописец донской литературы, редактор еженедельника истории, литературы и сатиры «Донская волна», самого авторитетного литературного издания Дона 1918–1919 годов. Именно в нем было опубликовано большинство произведений Кумова донского периода. 3 марта 1919 года вскоре после смерти писателя вышел выпуск еженедельника с его портретом на обложке. В нем Севский опубликовал неизвестные произведения и письма Кумова к нему 1916–1918 годов. Там же были помещены воспоминания Севского о покойном, статьи Ф. Крюкова, И. Сургучева, Е. Венского и др. Это был своеобразный литературный венок умершему. Благодаря Севскому стал известен общий состав пропавшего архива писателя, оставленного в станице. Среди известных ему рассказов, пьес, сценариев он выделяет «*произведение редкой литературной ценности — законченный роман "Святая гора", над которым покойный работал несколько лет*»[20]. Кумов знакомил с ним близких ему литераторов. Один из них охарактеризовал роман как «*дивное изображение религиозного движения, которое он* [Кумов] *усмотрел в простонародной среде северодонского казачества*»[21].

Севскому удалось опубликовать лишь малую часть этих материалов. Но то, что сохранилось в донской периодике 1917–1919 годов, архивных фондах, переписке Кумова и воспоминаниях современников, позволяет

---

[19] *Пинус С.* Заметы. XII // Донские ведомости. 1919. № 47. (24.02/03.03). С. 3.

[20] *Севский В.* Кумов-писатель // Донская волна. 1919. № 11 (39). 10/23 марта. С. 4.

[21] *Пинус С. (Серапин).* Дни и думы. III. Крюков и Кумов // Казачьи думы. София. 1922. № 5. 5/28 марта. С. 1.

по-новому оценить роль донской темы в творческом наследии писателя. Это дает возможность реконструировать его культурно-исторический и национально-художественный контекст; обосновать изменение литературной репутации писателя до и после 1917 года — от «донского Чехова» до «национального писателя Дона»; акцентировать общественно-политическую позицию Кумова как последовательного противника отделения Дона от России; проследить эволюцию поэтики писателя как свидетеля и участника трагических событий донской Вандеи; объяснить закономерность обращения Кумова к таким жанрам донского фольклора, как историческое предание и религиозная легенда, выявить соотношение общенационального и регионального в творческом наследии писателя.

Таковы основные грани многосторонней литературной личности Романа Кумова, позволяющие проследить эволюцию его творчества. Он предстает в нем как автор тонких психологических рассказов о жизни православного духовенства и лирической прозы о любви, как наследник чеховской традиции, как проводник толстовских идей и самобытный драматург, как донской национальный писатель.

Но в каждой из них отразилось важнейшее свойство его писательской личности, зовущей читателя, по словам Ю. Айхенвальда, «в свой светлый внутренний мир». Мир, в котором, по мнению критика, есть «искреннее религиозное чувство, внутреннее благочестие», «лирическая ласковость, доброе участливое отношение к людям, вера в них и в самую жизнь, рисуемую в тонах неподавляющей печали» [22].

В. Севский в своем отклике на смерть Кумова писал: «Жизнь Кумова несложна. Это не пестрая биография писателя — завоевателя аудитории, это житие праведника, радовавшего людей собой и своей свирелью.

Он умер, а свирель всё еще звучит. И будет звучать. К ней прислушаются все чуткие, все чистые» [23].

Однако звуки этой свирели долгие годы услышать было нельзя. Лишь в начале нашего века была переиздана первая книга Кумова

---

[22] *Айхенвальд Ю.* О Романе Кумове // Речь. 1916. № 195. 18 июля. С. 3.

[23] *Севский В.* Роман Кумов // Военный листок. 1919. № 2. (22.02/07.03). С. 3.

«Бессмертники» (2000), составлен сборник «Избранное» (2008), включающий более сорока очерков, рассказов и несколько пьес писателя, письма В. Севскому, отклики донских литераторов на смерть Кумова, биографический очерк и краткие комментарии к текстам. Но это лишь часть обширного творческого наследия Кумова.

Разыскания в архивных и библиотечных фондах позволили нам выявить в журнальной и газетной периодике более двухсот публикаций художественных произведений писателя, собрать его эпистолярное наследие, включающее письма М. Горькому, Ф. Сологубу, И. Леонтьеву-Щеглову, А. Измайлову и другим литераторам-современникам. Воспоминания Кумова о встречах с великой актрисой Верой Федоровной Комиссаржевской, письма ведущему режиссеру Александринского театра Е. П. Карпову, директору Малого театра А. И. Сумбатову-Южину дали возможность восстановить творческую судьбу его драматургических произведений.

В настоящем сборнике представлены избранные повести, рассказы, очерки, воспоминания, письма Кумова, большая часть которых не переиздавалась после его смерти. Исключением являются рассказы «Игумен Иосаф», «На родине», «Пророчество» и сохранившаяся в рукописи повесть «История одной любви», впервые опубликованная в 1997 году[24]. Один из самых известных рассказов писателя, «Степной батюшка», вошедший в книгу «Бессмертники», публикуется в его новом варианте 1918 года, существенно отличающемся от первоначального. В книгу вошли рассказы о приходской и монастырской жизни («Игумен Иосаф», «В приходе», «В келье», «Турка»), о душевном перевороте после приобщения к религиозным таинствам («Причастница жизни») и евангельским текстам («Исторический сюжет»). Особый цикл образуют произведения на сюжеты религиозных преданий и легенд («Предание», «Незаписанные легенды об Иисусе»), о посмертной жизни Л. Толстого («Толстой-странник»). Истории любви объединяют одноименную повесть, рассказы «Идиллия», «На переправе». В повествовании о судьбе еврейского мальчика-сироты в рассказе «Шмуль»

[24] *Кумов Р.* История одной любви. Повесть / Публ., вступ. ст. В. Запевалова // Новый журнал. 1997. № 4.

на первый план выходят мотивы братства народов и тоски по материнской любви. Донская тема звучит в рассказе о московской студенческой жизни «На заре туманной юности». В чеховской манере написаны рассказы «На родине», «Диссертация Сергея Васильевича» и «Завещание». Абсурдность ситуации, которую герои последнего рассказа пытаются соотнести с российской реальностью, должна, на первый взгляд, рассмешить читателя. Однако в отличие от Чехова с его неожиданными комическими развязками фантастическое желание героя передать привет древним римским предкам-патрициям уравновешивается завещанным им клочком российской земли с дикими травами, купленным под огород. Повествование приурочено к кануну Рождества, определяющего счастливый финал. Юмористический сюжет этого рождественского рассказа, в котором российский быт представлен в контексте мировой культуры, пронизан ласковой и доброй улыбкой автора. В большинстве публикуемых произведений обращают на себя внимание одухотворенные картины родной природы, замечательные лирические пейзажи. Заключает художественную прозу писателя написанный накануне его смерти рассказ «Пророчество», в котором апокалиптические сцены гибели и запустения Дона сменяются картиной его грядущего возрождения — Пасхой посреди лета и великим крестным ходом со степной речки Бултак на Москву. На духовное возрождение России после братоубийственной гражданской войны уповал и сам писатель.

Приложением к корпусу художественных текстов являются воспоминания Кумова о В. Ф. Комиссаржевской и его письма писателям-современникам, найденные в архивных фондах. Все тексты снабжены комментариями.

Составители сборника приносят искреннюю благодарность всем, чья помощь, советы и замечания помогли в работе над книгой. Светлая память ушедшим Татьяне Андреевой, Александру Белоусову, Зееву Бар-Селле, Михаилу Матлину. Глубокая признательность иерею Константину Кириченко, Елене Колышевой, Марии Кудрявцевой, Ольге Купцовой, Ивану Леонову, Александру Розову, Елене Созиной, Василию Супруну, Элеоноре Шафранской.

Мы полагаем, что издание произведений из творческого наследия Р. П. Кумова позволит внести существенные уточнения в литературный портрет писателя и откроет неизвестные стороны его творчества. Они призваны заполнить лакуны в творческой биографии Р. П. Кумова и определить его место в истории русской литературы первых десятилетий XX века.

А. Х. Гольденберг